

Геннадий Бурматов

ЕДИНСТВЕННАЯ ДОЧЬ

В полусотне километров к северу от Новосибирска на левом берегу Оби расположено село Вороново. Оно чуть моложе Уртама, соседнего села, которое отмечено даже на карте Ремезова. Но если Уртама интересен необычно стройными рядами топейных холмов, то в Воронове — первое, что бросается в глаза приезжему человеку, — это небольшие озёрца, которые встречаются на каждом перекрёстке села. Напоминают они собой сталочки Украины.

Вероятно, первых поселенцев привлекали к себе именно эти озёрца. Излюбие, как окна в небо... А главное, что тянуло сюда природных пахарей, — это плодородные земли, которые прямо от Оби простирались далеко за горизонт, изредка прерываясь небольшими берёзовыми колками.

Поля эти никто никогда не делил: земли хватало всем. Поступали по принципу: наши столько, насколько сил твоих хватит! И не занимался здесь хлебопашеством лишь тот, кто с детства не был к этому воспитан. Ведь в Сибирь, как известно, попадали люди самых различных образцов морали и норм поведения. Даже иногда и воры... Но последним не удавалось тут широко развернуть свою привычную деятельность: в нашем селе действовали свои, хоть и неписанные, но достаточно жёсткие законы.

согласно постановлению , принятому сельским сходом , дом уличённого в преступлении вора раскатывали весь до брёвнышка . содержимое амбаров выбрасывали на дорогу - на съеденье свиньям . самого вора запрягали в телегу , загружали её уграденными вещами и гнали вдоль деревни . каждый крестьянин должен был при встрече взять с воза одну из вещей и ударить ею вора !

после такой экзекуции , демократической и эффективной , субъекта , наконец , распрягали и , если он ещё оставался живь , вместе с семьёй изгоняли прочь из села .

общественно-культурная жизнь , разумеется , не замыкалась на подобных спектаклях , которые , к счастью , происходили не ежегодно . как и в любом другом селе , здесь в зимнее время поочерёдно в крестьянских домах устраивались посиделки и вечера , а летом - хороводы в центре села , у озёр .

ещё , если пользоваться языком , принятым в сфере культуры , в селе постоянно действовал и успешно справлялся с обслуживанием населения всей волости цыганский оркестр братьев Решетниковых . наши цыгане всегда играли добросовестно и виртуозно , с нарастающим темпом , а под конец игры саринья Ваньки Решетникова каждый раз резонно заключала :

- ва - в - в - в - пить !

хозяин дома с четвертью водки в руке при этом весело указывал на вспотевшего Ваньку и говорил :

- Гостеньки дорогие ! саринка велит выпить ! вы уж её уважьте !

была попытка у наших крестьян создать даже свой , самостоятельный театр в селе . произошло это , разумеется , не без внешнего влияния . с германской войны солдаты-вороношцы привезли целую

театральную постановку про Стеньку Разина . Текст был в стихо -
теорной форме , и потому никакой записи шель на бумаге не
производилось - самодеятельные артисты всё помнили наизусть .
Спектакли были насыщены юмором , песнями и танцами .

Слухи о нашем театре дошли аж до Томска . и в конце двадца -
тых годов оттуда пришла грозная команда : спектакли прекратить ,
театр распустить ! мотивировалось это тем , что , как оказалось
если научно смотреть , наш Стенька политически был слабо
подкован . на новых путях вперёд он , как выяснилось , стал
даже вредным попутчиком .

Итак , театр наш "распустился " , но в памяти крестьян
ещё долго жили образы и сцены из "Стеньки Разина" .

И правда , и сама жизнь села тоже начала развиваться по зако -
нам драматургии и шла к кульминации , а точнее - к коллективиза -
ции .

В колхоз Вороновцы вступили "дружно" . да и как было не вс -
тупать "дружно" , если уполномоченный сначала вынул из ко -
буры револьвер , демонстративно толкнул его рядом со списком , а
уж потом спрашивал :

- в колхоз вступать будете ?

кто же тут ответит "нет" ? каждый соглашался , со страхом
поглядывая на револьвер . правда , после такого вступления
многие оставляли свои дома и убегали в город .

Добрые люди советовали и моему отцу уехать . но он очень любил
свое село и эти озёрца , чистые и голубые , "как овна в небо" .
он ещё очень любил технику , и в колхозе ему поручили ремонт
сельхозинвентаря .

А над селом нависали новые тучи . в 1934 году по всей стране
создавались политотделы ИСУ при ИД"для борьбы с врагом ,
проникавшим в колхозы" , как было сказано в соответствующем по -

становлении НК ВПН /6/ . в сибирь эта волна пришла осенью 1933 года . полетотдель ИТУ при МТС доводили конкретные пла - ны до каждого колхоза на предмет выявления врагов .

затевались соревнования - кто больше их выявит . в списках врагов оказался и мой отец . Его тут же исключили из колхоза, лишили всех прав и "голосу" и посадили в тюрьму райцентра Кожевникова . Затем решили "ликвидировать как класс " и всю семью . вот как рассказывала об этом моя мать :

- несколько суток продержали нас под стражей в Кожевников - ских амбарах . днём выпускали на прогулку только младших детей . вместе с ровесницами , бабарькинскими девочками , выходила погулять и моя восьмилетняя Гланьцка . у неё были красивые светлые кудри . они , как длинные свежие стружки развевались из-под платочка на плечи . вместе с ней выходил и пятилетний минька . Старших моих ребят : 11-летнего Серёжу , 14-летнего Петю и 17-летнего Шуру из амбара не выпускали . Наверное , боялись , что убегут . Пла середина октября , и по ночам в амбаре было очень холодно . дети мои спали на полу , прижавшись друг к дру - гу , чтобы хоть как-то согреться .

утром нас погнали на пристань , в баржу.. сюда же привели из тюрьмы наших мужиков и посадили в том же трюме , только - отдельной кучкой под стражей .

Ребята сидят , прижавшись ко мне . минька плачет . а Гланьц - ка пошла с теми же девочками погулять на палубу . Там уже морозный снег падал, и палуба стала покрываться тонким слоем льда .

и вдруг слышим :

- бурматовь ! ваша девочка тонет !

Отец рвётся наверх , но стражники облепили его всех сторон, держат . у них - одно на уме : как бы не убежал ! Страхнул он

их с себя , как котят , и бросился к лестнице наверх . но один из стрелков ударил его прикладом по голове . И снова скрутили Ивана . крепко связали верёвками...

но меня пропустили . выбежала я на палубу . снег крутом мелом - тешит - сразу ничего и не увидишь .

баба мне показывает :

- сон она плывёт !

вижу - точно : вот она - Гланюшка ! Несёт её , бедненькую , стрелка обская . ветер дует сиверный , встречный . Огромные волны захлёстывают её . а она от каждого удара волны ... на - дошкой лицо закрывает . потом смахнёт со лба брызги вместе со снегом и даже... даже плыть пытается !..

а стрелка её несёт , не отпускает ...

Тут снег повалил гуще и закрыл от меня мою дочь .

Гванулась я вперёд , готовая броситься в объём за Гланюшкой следом . но баба меня обхватила с двух сторон и держит . и все вместе режут ... а свозь их рёв я слышу как-будто Гланюшкины стоны : у - у ! у - у !

вдруг снег так же неожиданно перестал , как и начинался . видим мы : с низу пароход идёт навстречу нам и гудит , так жалостно гудит , словно жалеет моего ребёнка :

- ту - у ! ту - у ! ту-у !

а звали тот пароход - "Тихононь" . а потом ещё много лет , как услышу его гудки , - так реветь начинаю...

а тогда "Тихононь" причалил к нашей барже , и передали нам Гланюшку , живую , да смертельно застуженную .

матрос парохода нам рассказывал :

- а протянул ей свой шест , которым дно мерил . она и схва - тилась за него . крепко держится , не отпускает . Хотел я её таким путём из воды вытащить . стал поднимать шест , - а у неё

руки по шесту скользят : он же льдом уже покрылся ! спустили мы с парохода шлюпку и подобрали девочку, а она от шеста не отрывается...

Замотала я Гланкину в старую шубёнку, ещё разными одежёнками укрываю, лишь бы как-то согреть. а в барже - почти так же, как на улице - только ветра нет. холодища.

все ночь она просыпалась и вскрикивала :

- мама ! где я ? а - с тобой ? а не утонула ?

как могла, успокаивала её :

- со мной, Гланкина ! со мной, птичка моя бедненькая !

Обычно я даты-числа плохо помню. Но тот день нельзя забыть : это был её день рождения - 25 октября 1935 года. последний день рождения в её жизни. а исполнилось ей всего девять лет !

а нас всё везут ...

наконец, остановилась баржа в устье речки Шудельки. пересели мы на лодки. наши мужики идут берегом и танут их бечевой вверх по течению. кругом - тайга непроходимая. шли мы так ещё двое суток. Начальство, видно, посчитало, что Шуделька для нас - слишком большая честь. И потянули нас ещё глубже в лес вдоль речки Каршана. на нём много завалов леса. Теперь мы шли весь день пешком.

а вечеру пригнали нас в посёлок Овражный : в овраге он располагался. а кругом - тайга, в небо дыра.

а нашему приходу тут уже жили те, кто был сослан во время коллективизации. но из первоначального состава мало кто оставался : одни - поумирали с голоду, другие - убежали.

Один старик из нашей группы так и сказал, указывая на

посёлок:

- в Издыхаловку нас привезли ! в Издыхаловку !

Этот старик потом одним из первых от голоду помер. Но до того , как помереть ему , - мы ещё раз его видели . Пала такая же голодная , как и мы , лошадь . Так её начальство велело облить керосином и закопать . А этот старик всё ходил вокруг и жалобно просил :

- дайте хоть перед смертью кусочек пропастинки ! дайте !...

А люди мрут с голоду ...

из окна комендантского дома кошка выглядывает . кошка ! единственная кошка в посёлке ! как взгляну , бывало , на неё, - так обида берёт . кошка ... признак чьёго-то домашнего укта... За что же мы-то его лишены ?!

Четверо моих детей на нарах лежат , стонут : есть нечего...

А по улице разгуливают комендантские свиньи...

Один парень , выходя утром из нашего барака , в сумерках запнулся за лежащую на дороге свинью . А в руке у него был топор : он шёл корчевать . Голодный , и к тому же злой от падения , он тут же в сердцах зарубил комендантскую скотину , восклицая: " что б ты сдохла , сволочь легавая , сало комендантское ! "

Его арестовали и отправили в тюрьму . А через полгода мы получили от него письмо: "Отсидел я шесть месяцев. Теперь живу в тюрьме. Работаю на лесозаводе. Числюсь под комендатурой . Но главное - хлебушка ем , сколько хочу . И за свиней больше не заминаюсь ! "

По его примеру и Шура наш тоже однажды в тюрьмах кинулся

с топором на председателя . по Ванька Паризек, живший с нами в одном бараке , перехватил у него топор .

после этого случая напуганный председатель отдал Шуру под начало Ваньки и больше к Шуру никогда не приставал , как будто его и не существовало . А Ванька был рад взять к себе в напарники такого отчаянного парня : работа у Ваньки была особая , рискованная . Он лазил по пихтам и срубал ветки : заготавливал их для завода , где варили пихтовое масло . Залезет до самой макушки и потихоньку срубает всю лапку . Вот и Шура с ним начал вместе работать . Безо всяких там железных когтей и поясов . сорвись , убейся - и никто за тебя отвечать не будет !

А Манюшка наша , как только попали мы в Овражный , сразу слегла : заболели лёгкие . Правда , когда наступили морозы , кончилась сыпучка , - и дочка моя чуть-чуть ожила . вставать и ходить стала .

И очень захотелось ей в школу . Она ведь и в первый-то класс когда пошла с шести лет : любила учиться .

- может , пропустишь этот год ? - спросила я её , - ладит ли у тебя здоровья ?

но она пошла в школу , в третий класс .

А ходила недолго... снова слегла и уже больше не вставала . лечить было некому и негде . и ничем . Тут бы питание получше... да какое там "получше" , если люди мрут с голоду !

не дай , Бог , никому ! Нет ничего страшнее , чем видеть , как твой десятилетний ребёнок , который только-только , как деревце , начал тянуться к солнцу , бьётся и медленно тает на твоих глазах ! а ты ... ничем-ничем не можешь ему помочь ! и только плачешь над ним...

и мать в который раз уже снова заплакала ...

дальше рассказывал мой отец :

- Долго плакать не давали - всех на работу гоняли .

Как началась зима , дали мне особу плотницку работу : сани ставить . Она , сначала спросили : кто умеет ? и кроме меня , никого не оказалось , кто бы умел . Ну , я взялся . Дело знакомо . Ставил сани . С утра до ночи работаю . Голодный .

И совсем , окончательно ослаб . Приду домой , открою дверь и упаду на пол... совсем обессилен. Ноги отекают и еле-еле двигаются.

Вот я и говорю сам себе : "что ж ты , Ванька , думаешь своей головой ?! Тебе же смерть путь кажет ! Решай , пока не поздно!"

и сказал я Лябаве :

- Если буду дальше здесь оставаться - помру. и вам без меня не выжить. надо уходить. сначала поведу один. найду жильё . Разведу дороги , возьму лошадь и тогда перевезу всех. а пока и Ланкушу в таком мороз - рискованно везти неизвестно куда .

стал я готовиться в путь . а Лябаве и собрать-то мне в дорогу нечего !

Положила она мне в мешок... подушку, - может, выменяю где на хлеб. больше - нечего !

Вышел я из дому в бурян и молюсь Богу, чтобы снег не переставал, падал , следы мои засыпал-заметал - стражники не найдут ! Следы-то засыпает, да и дорогу тоже замечает ! Но я иду по каршану. Там , где он подо льдом течёт , - как просела в тапге: не собьёшься!

потом и бурян перестал. Месляц светит . Чего бы не идти!
а меня вдруг куричья слепота одолела . ничего не вижу ! вот ведь как ослаб ! Нет, думаю , надо отдохнуть. может, пройдёт. лоть и рискованно тут у посёлка отдыхать : поймают "отдыхающего"!
и всё-таки , что-то делать надо. лёг я на снег. подложил мешок с подушкой под голову: вот она где сподилась, подушка: та !
лежу. и в сон меня начинает клонить. Опять плохо: можно

уснуть и совсем околеть. нет. Надо вставать. Поднялся. Слава тебе, богу! Теперь вижу глазами! не совсем, значит, ослеп!

пошёл дальше. Иду. Ещё в утренних сумерках прошёл икино. Это село стоит на горе. спустился я по зимней дороге на лёд реки Иудельки и оглянулся. вижу: следом за мной с горы едут этап. длинный - конца не видно. коньбой: один верхом едет, за ним - двое с винтовками идут впереди арестантов. и сзади так же: верховой, двое пеших с винтовками. а замыкает этап кошовка, - начальство!

ну, пока они ещё не подошли ко мне, надо скорей сообразить, что ответить им, если спросят...

догоняют. я - в сторонку. забрёл в снег. стою. проходит этап. замыкающий его верховой кричит мне:

- куда, гражданин, путь держишь?!

я отвечаю:

- в компашевскую тюрьму.

- Зачем?

- принудительные работы отбывать.

- За что?

- возил я брёвна. лошадь ногу сломала. Обвинили меня. шесть месяцев принудилочки дали.

верховой оборачивается к своему начальнику, сидящему в ко- шёвке, и говорит:

- Раз он тоже идёт в тюрьму, - надо его в строй со всеми!

а начальник - ему:

- да зачем его - в строй?! Это же будет для нас - ещё один лишни едок! да и на ночлег его потом со всеми устраивать при- дётся... а так - он идёт сам в тюрьму! Ну и молодец! Пусть идёт!

Пошёл этап дальше. А я от волнения даже в снег присел: чуть-чуть с собой не прихватили! в "мою" тюрьму, конечно, не поса-

дали бы, но, уж точно, вернули бы в образный.

как только этап исчез из виду, пошёл и я за ним. А вечеру прихожу в Иваново. куда ни постучусь - везде арестанты на ночлеге. вижу: мужик-остяк погнал коней к озеру поить. и -- к нему:

- возьми, хозяин, на ночлег, ради Бога!

но он мне говорит:

- нет больше места! у меня арестанты спят!

сказал он так, но не уехал, а подумал и говорит:

- вон витня: иона отна у клетница стоит? Там ничего нет из этапа. мозет, пустят!

пошёл я на кладбище. вижу: правда - стоит тут на отшибе один дом. захожу. дома - хозяин, хозяйка, двое ребятшек.

- можно переночевать?

- можно, можно! ночуй!

присел я на рундучок у печки. Положил мешок с подушкой рядом. На улице падера поднялась - вся крыша скрипит, в трубе завывает. а меня от тепла и от голодной слабости стало ко сну клонить... вдруг - слышу голоса за дверью. уж не из этапа ли? Открывается дверь: в избу входят гурьбой остяцкие девки и ребята. Тут я понял - вечерка у них! Какие песни у них, спрашиваешь? Какие танцы? Не до песен-басен мне было! И не до танцев-баранцев! но мне - хоть черти пляши - всё-равно он не разгядел их! Заснул я. и снится мне, что пробираюсь я по ледяному откосу берега реки. внизу - шуга, а сверху летят в меня стрелки. Бах! и пуля больно ударяет в бок. и срываюсь и падаю на лбдину тем же боком. скатываюсь с неё и оказываюсь в воде. Следующая лбдина настигает меня и острым углом тычет в тот же бок. а стрелки стоят на яру и хохочут...

наконец я проснулся . Оказывается , в бок меня давно уже
пинает хозяин-остяк :

- Эй, краштанин! Тёнъки есть за квартиру?!

А за окном всё так же дико визжит падера.

- да ведь ты, хозяин, про деньги сразу, как я вошёл, и не
спрашивал... а денег у меня...нет ни копейки...

- если нет - выходи! вытись - ружья висят?! Буту стрелять!
стрелять буту!

Тут он показал на ружья, висевшие на стене.

хотел я кинуться первым на него: пока он будет дотрагиваться
до ружья - я обхватю его руками и , если будет недостаточно сил
задушить его - то, сжав пальцы в замок за его спиной, буду до
бесконечности держать его и не дам ему выстрелить в меня...

но какие последствия будут потом ? И уйду ли свободно из
этого посёлка? Наверняка окажусь в том "строю"... а меня
ждёт Гланьшка, смертельно больная и голодная ... И мне предста-
вилось её худенькое и бледненькое личико, белое, как подушка...
подушка!!! у меня же есть подушка! последняя ценность в моём
нищем мешке. и я сказал остяку :

- у меня нет денег . и ничего у меня нет , - при этих словах
я развязал мешок и достал подушку :

- вот...только одна подушка и осталась ! может, возьмёте её
как плату за ночлег?..

взял он мою подушку. посмотрели они с женой, покрутили, по-
балыкали по-остяцки... Потом он говорит :

- ну, теперь ложись ! спи !

Значит, "сторговались"... лёг я снова , как собака , кото-
рой приказано лечь, но неизвестно, какая команда поступит сле-
дущая. и, конечно , уже больше не заснул . всё глядел и глядел

на ружья, развешанные на стене...

...Утром выхожу с пустым мешком, свернутым в трубочку. Надера кончилась. Солнце встает над заснеженной обью. Вчерашний остяк опять гонит коней поить.

Поравнялся со мной, спрашивает:

- Ну, как ночевал ?

- Спасибо. Хорошо ночевал... слушаю, хозяин !

Будь добрый, у тебя нельзя ли чего-нибудь поесть ?

- Конечно, можно ! Пойдем в избу !

Заходим. У них - целое застолье: вся семья завтракает. посадили меня. Ширбу наливают. Самовар стоит.

Хлеба мне подкладывают. Много хлеба...

И ем, не стесняюсь...

Смеется этот остяк:

- Так, значит, ковория, хорошо ночевал ?!

Ну, я ему все и рассказал, обо всем, что было ночью...

- Ой - ёй - ёй ! Как он тебя не ушил ! Как он тебя не ушил !

Он ведь дальше этого могильника никто не шел ! Ситит, как ворон на мокиле и паталью питается. И телать ничево не умеет - только вчорки дуляет ! Тевки и парни тевки ему платят. Как он тебя не ушил ! Сосильный ты ! Сеть только путешь !

Смеется остяк. И, понимаю, не надо мной смеется, а радуется вместе со мной тому, что я, жалкий бродяга, каким-то чудом все еще жив, хотя меня, как затравленного волка, может подстрелить каждый встречный охотник...

Как видишь, разные остяки бывают, как и все народы...

А вечеру я пришел в Тебенак, - название вроде бы, остьинское, но живет тут много русских.

И опять - арестанты все заняли.

Село длинное, в одну улицу. В самом конце села захожу в крайнюю избу.

Вижу: из этажа здесь никого нет.

- Можно у вас переночевать?

- Да ночуй!

Присел я опять, как и раньше, на рундучок у печки.

- Ты откуда?

- С Каршану...

- Куда идешь?

- В Колпашево. Принудительно отбывать. Лошадь пала...

Но хозяину, кажется, нет дела ни до моей "лошади", ни до "принудительки".

Он кричит в кухню:

- Старуха! покорми мужика!

Потом обращается ко мне:

- А ты сам-то откуда родом?

Ну, я говорю, как есть. Из Воронова, мол...

- А ты Семена Воронова знаешь? - оживленно спрашивает хозяин, - За моим сыном замужем их Дуниха - Семена Воронова дочь! А Семенушка с семьей живет в Тотуре. Ты, прежде чем принудительно слов начнешь отбывать, зайдя к Семену: поклон от меня ему скажешь!

- Знаю, - говорю я весело, - и не только знаю, но Семен нам некоторой родней, зоть и дальней, а доводится!

Семья Семена убегала из Воронова еще в начале коллективизации. Они и на родине занимались только рыбалкой, а тут, в рыбном краю, их профессия как раз оказалась кстати.

В общем, жили они тут в то время неплохо.

Отдохнул я сутки у Вороновых, обьрелся маленько и стал ду-

мать, что делать дальше .

Надо было искать подённую работу: позарез теперь нужны деньги — ги для голодной семьи. А потом надо копить деньги на покупку коня, чтобы ехать за Гланшской .

Семёнушка мне посоветовал:

— подённой работы много в Колпашее: каждый день нужны грузчики на торговых базах. Есть у меня, — продолжал Семён, размышляя, — ещё один там знакомый, хороший человек. Учёный человек, Полежаев его фамилия. Он ко мне недавно заезжал, — брал у меня чучело филина. Дело в том, что он создаёт в Колпашее музей. Требуется ему плотник для ремонта помещения. Вот ты ему и пригодишься! да ты не бойся: он тебя не выдаст! добрейшей души человек! Настоящий профессор! Закончив у него работу в музее, — тоже без помощи не останешься: есть в Колпашее ещё один спаситель — Анискин. Запомни — Анискин. Он там — начальник торгова. У него тоже многие, беглые, как ты, устроились пилить дрова. И этот тебя не выдаст. Он сам приехал добровольно сюда следом за сосланной сестрой, чтобы помогать тут ей: ведь у сестры — десять человек детей! Вот он какой — Анискин!

и поселился я прямо в музее у Полежаева в Колпашее. Полежаев тут был и заведующим, и научным работником, и столярком, и чучела зверей и птиц, как он говорил, препарировал. Интересным получился музей: и медведи, и волки, и лось, и олень... и змея на пеньке сидит, и остяк на лыжах стоит. Хороший музей!

Поме работ по ремонту музея, я ходил на торговые базы выгружать товары с обозов, и на обозы другие товары грузить. Первую, заработанную таким путём десятку я в тот же день отправил домой семье. При отправке, на почте, придумал себе "фамилию": назвался Борзуновым. Такую фамилию носил муженёк

любавиной сестры, который ещё до коллективизации убежал от неё куда-то в Ташкент. Но я был уверен, что Любава поймёт : перевод пришёл от меня, а не от того потешественника !

- Да, - снова вступила в разговор моя мать, - Как только мы получили ту первую десятку, я сразу всё поняла. И все мы обрадовались, что Иван наш...жив и свободен ! Как сейчас помню ту спасительную десятку. мы тут же, вместе с Петей и Серёжей, пошли за четыре километра в Ёльцовку и купили там у чалдонов хлеба и рыбы. Наварила я первый раз за полгода ухи и накормила Гланишку.

потом денежные переводы от Ивана стали приходить чаще, и кончился наш голод в ссылке. И Гланишка смогла ещё дожить до весны, до тёплого солнышка, до первых листочков...

Иван в каждо^м письме писал: "Не горюйте! Скоро вас выручу!"

А Гланишка уже тяжело болела. Как прочитает Петя письмо от отца, так она, как взрослая, тихо начинает плакать:

- я умру, а вы - уедете... меня тут одну оставьте... Буду лежать совсем-совсем одна в тайге... И к могиле моей никто из вас никогда не придёт...

дочка моя бедненькая, как она всё понимала !...

А было ей только девять лет ...

помню, в последнюю ночь её жизни мне сон приснился. Кисочка, такая беленькая кисочка, ходит со мной по огороду и трётся мне об ноги. И мякает, так жалобно мякает : есть просит.

А у меня нет для неё ни крошки ! И забор кругом - такой глухой и высокий - конца не видать... Хотела я её погладить, покажет, а она вдруг минулась бежать от меня и спряталась за грядку... А грядка та - высокая, как могила. Звала я, звала кисочку, но она так и не вышла ко мне из-за грядки...

проснулась я и повернулась к Глане: она всегда со мной рада — шком спала, только с краешку: не могла уже у стенки лежать — лихо ей было в последнее время. В жару вся горит. Температура...

а спала она на бочку, и ладошку — под щёчку.

повернулась я к ней: лежит моя Гланиа на бочку, и весеннее солнышко ей в лицо светит. и ладошка, — как всегда — под щёчкой. Хотела я её погладить, а она — холодная ...

Померла !...

Так вот, куда убежала во сне моя кысочка !...

За высокую, высокую грудку... — могилу ...

Тут, в этой проклятой тайге !...

единственная моя доченька !

Уж лучше бы мне сейчас самой умереть !...

Разбудила я всех ребят ... Горе наше, горе !....

после полудня ребята мои пошли могилу копать, а я стала мыть Гланашку в селнице, — большом корыте. осторожно перекадывала её с боку на бок, как живую... а когда переложила на спинку, вдруг у неё из грудки какой-то стон раздался !... Обомлела я... даже почти обрадовалась !... Думала, вдруг — оживёт !... и к её грудке ухом прижалась... Но ничего больше не услышала ... а сторвать ухо своё от её грудки ... никак не могу !...

Бедная моя пташка !!! и слёзы в селницу текут... Больше, чем воды их там, наверное, набралось...

потом уж не помню, как пришла с рабты моя подруга по барану паризечка и помогла мне домыть и одеть Гланашку.

назавтра соседские девочки принесли из лесу первых весенних цветов, сшили веноч Гланашке, вылепили ей в косу ленту...

лежит моя Гланашка, большая вытянулась, как взрослая...

а ей — всего девять лет ...

День такой солнечный стоит. Тепло. Первое летнее тепло...

А мы — хороним... Ребята несут гроб и молча плачут... Один только Минька, как заглянет в могилу, так рёвущою кричит:

— Вы зачем такую глубокую яму выкопали?! Вы зачем... такую... глубокую... яму... — он закрывает ладошками своё лицо и ревет по-детски на всём кладбище...

Осталась у меня от Гланьки, как память, одна только её... ладошка, обведённая карандашом на листке бумаги. Да ещё, когда лежала она умершая, отрезала я на память прядь её волосок. Уж очень красивые у неё были кудри... фотографии, говоришь? Какые в ссылке "фотографии"!?

Мать достала из сундука белый трипичный узелок и развернула. Там лежали светлорусые кудри. И такие они были свежие, — как будто только что отрезанные...

А мать продолжала:

— похоронили мы Гланьку, и опять нас на работу посылают: пни корчем. А после работа — как издевательство — голодных и измученных... в школу гонят, учиться!

А школа — у самого кладбища стоит, и Гланькина могила к ней — самая близкая. Вот она — перед самым школьным окном! Сажу я на уроке и, как взгляну на Гланькин крестик, — так плакать начинаю. Какое тут — учение!... А у них, у этих извергов, такое... добивание души — "учёбой" зовётся!

У меня однажды зимой ельцовский дельцлер зуб дёргал, — и то не было так больно / а дёргал он без уколов /, как эта пытка, — учёба у свежей могилы дочери, которая погибла от их же... "учёбы"!

Снова плача, мать стала аккуратно заворачивать мокрые от её слёз кудри... моей сестры, которой я никогда не видел и не увижу, но память о ней будет жить и в моём сознании...

Дальше рассказывал мой отец :

- Наступила весна и нарушила все мои планы спасать их на коне : дорог-то там никаких нет, одни реки да болота. И решил я туда ехать на лодке. Купил хорошо просмоленную лодку-завозню. Набрал в мешки хлеба побольше, а сверху прикрыл их старой сетью: как будто и я - Чалдон.

Пока шёл на лодке вниз по Оби, не боялся, шёл днём. да и проток там разных много - легко заблудиться. а от Инкина , вверх по шудельке, стал пробираться только ночами. Днём прятал лодку в кусты и где-нибудь подальше от берега укладывался спать.

на четвёртый день добрался до Овражного. когда стемнело, пошёл в посёлок. постучался в барак. Открыла мне Паризечка и кричит назад:

- Люба ! Твой Иван вернулся !

Побежали ко мне мои дети. Обступили меня. Глажу всех по головкам. Вот они , мои ребята ! И Любава за ними стоит...

Оттолкнулся я на нарвы :

- а где же Гланкшка ? может , спит она ?

и зарыдали они все вместе :

- нет нашей Гланкшки!... Нет больше бедняенькой!... на днях... похоронили ...

ушёл я вниз лицом на опустевшие нарвы и тоже заплакал...

той же светлой, месячной ночью сходились мы с Любавой и Вурой на Гланкшкину могилку. кладбище там - на горке . совсем светло. когда уже возвращались к бараку, на улице нас ошмыкнули :

- Бурматов ! вернулся ?!

присмотрелся я в ночных сумерках , а это - председатель !

- не бойся , я тут - один ! увидел , как вы с кладбища спускались... - говорит , а сам тоже , видно , боится , близко к нам не подходит , - Но я рад , что ты вернулся ! У нас за зиму

сани поизносились. Будешь новые сани ставить !

"Дал бы тебе в "сани" под усами , - думаю сам себе , - за нашу дочь , за всех моих детей!" А он продолжает :

- Завтра сперва зайдёшь к коменданту , отметишься и присту - пай к работе !

Ушёл председатель, с опаской поглядывая на нас.

Любава мне говорит :

- Теперь тебе и одному не уйти отсюда , - не то , что всем вместе: этот гад сейчас же пришлёт сюда стражников. Они сейчас везде вокруг посёлка стоят. Как они тебя не схватили, когда сюда шёл !

Подумал я , подумал и согласился :

- Да. Трудно будет всем нам выбраться теперь...

А Любава рассказывает :

- Когда ты зимой уходил, в то время такой бурян начался, та - как пядера поднялась ! Никто из стражников и носа на улицу не показывал. А после, когда начались морозы и лютая погода на - стала , - они на всех дорогах засады устроили . Сытые , в ту - лунах , - им и мороз ни почём ! Шура тогда два раза пытался уйти следом за тобой. И каждый раз конные стрелки пригоняли назад его . С обмороженным лицом...

Посмотрел я на Шуру, а он говорит мне упрямо :

- Возьми , отец, хоть мнбя с собой! Если я тут останусь, - уж точно: кого-нибудь из лежавых зарублю... за сестрёнку мою... единственную...

- Ладно, - решила, - Бежим мы пока только с Шурой. А вы , как наступит зима , переберитесь к кому-нибудь в другую избу, поближе к лесу, чтобы легче было потом уходить из посёлка ! Вот, к примеру , у Орловых поселитесь ! Они - добрые , вам не откажут...

Простились мы с семьёй и , огородами , где - ползком , где --

У самого леса была кузница. Проходя мимо неё, мы увидели кузнеца, молдована Гришана, который уже копался в куче железа, скаленного у кузницы. Но он, кажется, нас не узрел. А может, только сделал вид, что нас не замечает...

Идём мы по лесной дороге, и, вдруг, слышим топот копыт. Кто-то за нами на коне скачет.

Спрятались мы за кусты. Видим: да это же Гришан!

Ну, мы вышли из-за кустов. И не зря, оказывается: кабы Гришан нас не догнал, стражники бы нас взяли!

Остановил он коня и говорит:

— Знаешь, что, Бурматов! За вами гонятся — Голька Фролов и Пашка Золин. С ружьями!

Отдал я ему все пакки табаку, какие у меня оставались, поблагодарил его и только спросил:

— А собаки — с ними?

— Нет, — говорит, — собаки нет.

Мы это на вид взяли и залегли между кочками у болота.

Только спрятались, — видим: стрелки идут! Быстро так идут. Прошли мимо. Тогда мы отползли поглубже в кусты и там просидели весь день.

Вечером, когда стемнело, пробрался к моей лодке и поплыл на ней вниз по Баршану. Не разговаривали и не гребли: лодка тихо плыла по течению...

— Ну, как? Привёз из тайги семью? — спросил Полежаев, лишь только я появился у него в кабинете.

И, узнав о смерти дочери, умолк, грустно уставившись в пол... Потом он открыл свой профессорский шкаф, достал оттуда графин со спиртом. Молча налил мне пол-стакана и чуть-чуть себе... Затем он снова заговорил, глядя в сад:

— Я помню, ты ещё зимой собирался на коне туда ехать, да не было его у тебя. А в твоё отсутствие — тебя с конём искали.

да не бойся, не чекисты! Приходила одна женщина. Муж у неё нынче умер. Был он частным извозчиком. Тем и кормились с женой. Теперь вот, при оставшемся хозяйстве, ищет она себе компаньона, извозчика. Согласна отдавать половину выручки. Кстати, лошадь тебе пригодится для вызволения семьи!

И занялся я частным извозом. Лил, как и прежде, у Полежаева в музей. А он всячески старался поддерживать во мне надежду на успех. Бывало, вечерами, во время осенней распутицы, когда невозможно было ездить, и я сидел в музее, он читал мне книги, в которых судьбы людей очень уж были похожи на мою: "Хаджи-Мурат", "Капитанская дочка", "Кавказский пленник", "Подлиповы"...

В декабре, когда окреп лёд на реке, стал я готовиться к поездке на Карман. Набрал полный мешок хлеба. Проверил сани. А "комpanionше" сказал, что меня наняли инкинские чалдоны... везти им рыбу в Колпашево.

- А мы к зиме поселились у Орловых, ^{— говорит мать,} на краю посёлка, и идём... Нас с ребятами, как и прежде, гоняют лед пилить.

Один только Минька в школу ходит. Однажды вечером прибегает к нам девочки, его одноклассницы, и говорят:

- Тётя Люба! Ваш Минька на перемене опрокинул нечаянно на себя бак с водой! Теперь, мокрый, боится идти домой. Он сидит во-о-н там, под мостом!

Пошла я к мосту. Ветер — хлюс дует, снег метёт. Подхожу к мосту и кричу:

- Минька! Ты почему домой не идёшь?

А он, видно, совсем там околел. Дрожит весь. Зубами стучит. Да мне ещё зубы пытается заговаривать:

- А я м — м — мама, сюда от ки — ки — киминданта сюда спрятался. Ки — киминдонт со стражей в посёлок приехал!

- Да чтоб твой "киминдонт" свалился с этого моста! Сейчас же иди домой сушиться! Ты что, следом за Гланкиной в могилу хо —

чешь?!

привела его домой. Раздела. Повесила одёжки над горячей печкой. снова затопила, чтоб высушить их до утра.

Наступила ночь. все ребята спят, а я сижу у печки, караулю Минькины одёжки, как бы не стореги. И вдруг... кто-то постучал в окно! подошла я, отдёрнула занавеску. Смотрю: стоит какой-то мужик в башлыке. в таких башлыках комендантские стрелки ходили.

Но тут он снял башлык, и я узнала Ивана!

Вошёл он в избу, но даже раздеваться не стал:

- Давайте, собирайтесь! На улице - метель. Стражников нет! Самый удобный момент уходить!

Побросали мы жалкое своё бельишко в сундучишко. Как говорит - ся, вся наша одёжка - пустой куль да рогожка. Поставили этот сундучок на сани. Рядом посадили Миньку. А Минька на коленях бережно ящичек держит: там сидит крольчиха Труска, Баньки Паризека подарок. Сказывали позже люди, что добрый наш Банька даже дезертиров в войну жалел. Принимал их к себе домой в большие морозы. Гормил их. Работники НКВД выследили и забрали Баню вместе с дезертирами и посадили в тюрьму. А может, и расстреляли вместе с ними, - слуху о нём больше не было никакого. Исчез - и всё.

Ну, с Богом... перекрестились и пошли...

Вышли на лёд Гармана. А там такой ветрище поднялся! Снег со льда догола сметает. А я всех поторашиваю: давайте быстрее! ведь не зря Минька сказал, что коменданта в посёлок Черти ирипринесли! Значит, стрелки сегодня будут усердно караулить на дорогах!

Пошли мы быстрее, почти - бегом, и поскользнулась я на льду гармана. Упала и сильно ушибла коленку. всё. Дальше идти не могу! подхватили меня Петя с Серёжей под руки и в таком ли - де пошли мы все трое за санями дальше. впереди Иван кобылу

ведёт. в санях Минька с крольчихой сидит. А больше и сесть ни - кому нельзя : кобыла от бескормицы совсем ослабла - на всём пути от Оби до Убряжного ни одного стожка сена не встретилось. Тогда Иван начал доставать из мешка буханки хлеба и стал подкармливать кобылу прямо на ходу .

Следующую ночь мы уже спокойно ночевали в Тебенаке, у сватов Семёнушки Воронова. А когда утром снова усаживали миньку в сани, услышали , как из ящичка на его коленях доносится необычный , многоголосый писк. Открыли : оказывается , пока ночевали, - крольчиха Труска родила . Пять крольчонков ! Все - чёрненькие. Сама была чёрненькая , и дети - чёрненькие , как галчата.

Везти дальше - замёрзнут дорогой ! Пришлось оставить всю её семью у хозяев. А те - нам за это ... буханку хлеба и ведро картошки дали !

Так мы и в Колпашево к Полежаеву в музей приехали с крольчихиным хлебом .

И работа в музее мне потом всегда находилась , хоть и по - дённам: мыть полы, красить , белить...

- А тут наступил 1937 год, - продолжает отец, - и пошла новая волна преследований . Началось всё с того , что таким, как мы, бежавшим из тайги спецпереселенцам, запретили работать в Колпашево по больному найму. Собрали нас всех и погнали на лесосплав : изо льда брёвна выдалбливать , вручную выкатывать их на берег и укладывать в табор.

Видишь , как вышло : убежали мы из-под одной комендатуры, да попали под новую ! и всё-таки , разница была : тут мы не голодали теперь , как на Кармане. Из бракованных брёвен построил я на скорую руку избёнку у самого озера в Тогуре . С рыбалки все чалдоны шли мимо неё и сами предлагали съезжую рыбу - по рублю за большое ведро !

Один только Шура ещё каким-то чудом остался незамеченным

комендатурой и продолжал работать у Анискина . Но нашёлся стукач, донёс в НКВД , что Анискин пригрозил у себя ссыльного бродягу . И Шуру угнали на лесосплав .

Анискину в ту пору было уже за 50 лет . Когда началась война, многих милиционеров взяли на фронт , а его , уже пожилого, назначили участковым инспектором по Тогуре . И тут он оказался , наверное , самым справедливым милиционером на свете ! Не зря же он так втемнячился Липатову , что тот даже книгу о нём написал !

В первый год войны на фронт наших ребят не брали, но это - только в первый год . А когда немцы окружили Ленинград , - тут уж и "спецов" на фронт погнали ! Шура , Петя , Серёжа - все воевали . Серёжа в конце войны погиб на польской границе . А Шура даже оказался в условиях окружённого Ленинграда в рядах НКВД ! и после войны служить там остался, в МГБ . Он-то нам и выписал "больные" документы . И стали мы больными людьми ! людьми .

Видишь , как всё получилось ! Уехали мы из Нарымского края так же неожиданно , как и сюда попали , и каждый раз / и туда, и обратно / благодаря нашим "славным" чекистам !

После всех ужасов ссылки , голода, унижений - оказались мы ... в Латвии ! В послевоенные годы там тоже НЭП был , такой же , как и в России когда-то . На базаре - всё дёшево !

и отношение к нам со стороны латышей было хорошее . Не то , что в Тогуре, где только и слышали : "Ой вы, спецур ! Уголовники ! брати ! " А тут , в Мадоне , никто из латышей нам никогда дурного слова не сказал .

мать горестно вздыхает и добавляет :

- И только Гланька... бедная...осталась лежать в глухой тайге... Брошена навсегда ... могилка её ...